

КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА М.М. БАХТИНА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА СМЕНЫ ОБЩЕНАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

Я.Г. Шемякин

Аннотация. Автор статьи обосновывает мысль о необходимости актуализации творческого наследия М.М. Бахтина, прежде всего, его концепции диалога; показывает, что основные положения этой концепции полностью соответствуют принципам новой, «пригожинской» общенаучной парадигмы, что обуславливает ключевую роль бахтинской «диалогии» как одного из главных факторов, необходимых для развертывания процесса смены парадигм в отечественных гуманитарных науках. Апеллируя как к собственному преподавательскому опыту, так и к опыту коллег, автор отстаивает идею, согласно которой утверждение бахтинского понимания характера диалогического общения (и, соответственно, принципов новой общенаучной парадигмы) в отношениях между преподавателем и обучающимися является необходимой предпосылкой и условием успешного решения задач преподавания в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: научная парадигма, принцип дополнительности, диалог, монолог, монололизация диалога.

Для цитирования: Шемякин Я.Г. Концепция диалога М.М. Бахтина в контексте процесса смены общенаучных парадигм // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 251–260. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-251-260

M.M. BAKHTIN'S CONCEPT OF DIALOGUE IN THE CONTEXT OF THE PROCESS OF CHANGING GENERAL SCIENTIFIC PARADIGMS

251

Ya.G. Shemyakin

Abstract. The author of the article substantiates the idea of actualizing M.M. Bakhtin's creative heritage, and primarily his concept of dialogue. He shows that the basic provisions of this concept fully correspond to the principles of the new, "Prigozhin type" general scientific paradigm, which determines the key role of Bakhtin's "dialogics" as one of the main factors necessary for the development of the paradigm shift in the Russian humanities. Appealing to both his own teaching experience and the experience of his colleagues, the author supports the idea according to which the statement of Bakhtin's understanding of the nature of dialogical communication (and, consequently, the principles of the new general scientific paradigm) in the relationship between teachers and students is a necessary precondition and condition of the successful solution of the problems of teaching in the field of the humanities.

© Шемякин Я.Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *scientific paradigm, complementarity principle, dialogue, monologue, dialogue monologization.*

Cite as: Shemyakin Ya.G. M.M. Bakhtin's Concept of Dialogue in the Context of the Process of Changing General Scientific Paradigms. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 251–260. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-251-260

Термин «научная парадигма» обозначает, как известно, общепринятый на том или ином этапе развития науки способ построения научной теории, точнее, совокупность общих для всех сфер научного знания принципов создания систем логического объяснения мироздания во всем многообразии конкретных форм его существования и эволюции. Понимаемая таким образом научная парадигма составляет основу одного из двух главных полюсов духовного мира человека, двух главных способов духовно-практического освоения им мира — полюса рации, который находится в крайне противоречивой, но неразрывной взаимосвязи с другим полюсом, полюсом веры. В высшей степени напряженное взаимодействие между ними является источником развития человеческого духа [1, с. 30; 2; 3; 4, с. 24–28; 5]. Причем характер лежащей в основе полюса рации научной парадигмы во многом определяет и специфику его соотношения с полюсом веры, возможность (или невозможность) диалога между ними. Начиная по меньшей мере с эпохи Просвещения, сложившаяся на том или ином этапе научная парадигма определяет не только основные исследовательские стратегии в самых различных областях, но и базовые принципы системы образования.

Ситуация в мировой науке, начиная со 2-ой половины XX в., определяется процессом смены общенаучных парадигм. Старая парадигма базировалась на сформулированных в ходе «научной революции» XVII в. постулатах классического

естествознания. Эта условно «ньютоновская» наука, согласно И. Пригожину, И. Стенгере и О. Тоффлеру [6], утверждала принцип однозначной запрограммированности развития изначально заданными условиями, механистическую картину мира, из которой исключался фактор случайности и, соответственно, отрицала альтернативность и многовариантность истории человечества.

Ключевую роль в становлении новой парадигмы сыграла Брюссельская школа во главе с И. Пригожиным. Данная парадигма утверждает качественно иное соотношение между необходимостью и случайностью, признание чрезвычайно важной роли последней, отрицание (для значимого большинства случаев) принципа однозначной запрограммированности результатов развития того или иного процесса изначально заданными условиями, включение в научную картину мира (прежде всего в рамках концепции «точки бифуркации») в качестве необходимой составляющей представлений об альтернативности и многовариантности развития подавляющего большинства систем нашей вселенной, в том числе и социальных [там же, с. 14–16, 28–29, 226–227, 269 и др.].

В основу «пригожинской» парадигмы был положен принцип дополнительности, который впервые был сформулирован, как известно, Н. Бором применительно к квантовой механике. Однако впоследствии Н. Бор пришел к выводу о том, что данный принцип является общенаучным [7]. Опыт прошедших после

появления работ Н. Бора десятилетий свидетельствует о том, что принцип дополнительности имеет ключевое эвристическое значение, в том числе и для объяснения процессов, развертывающихся в самых различных областях жизни человеческих обществ. Для социокультурной сферы значимость данного общенаучного принципа определяется самим его содержанием, в соответствии с которым ни один научный подход, ни одна теория не могут претендовать на описание объекта исследования столь исчерпывающее, чтобы исключить возможность альтернативных подходов. Поэтому принцип дополнительности коренным образом противоречит старой парадигме, главным проявлением которой стал редукционизм — метод построения научной теории, который предполагал сведение всего многообразия детерминаций, воздействующих на «мир людей», к какой-либо одной, якобы определяющей поведение того или иного объекта или класса объектов. В том, что касается отечественных социальных и гуманитарных наук, главной проблемой в процессе становления новой парадигмы первоначально стало преодоление господствовавшего в советскую эпоху формационно-классового редукционизма (который представляет собой абсолютизацию принципов формационно-стадиального подхода как особого научного направления) [8, с. 22–23, 26–27], сторонники которого стремились свести все многообразие истории различных культур и цивилизаций к формационным характеристикам. Однако почти повсеместный отказ от этого вида редукционизма отнюдь не привел к исчезновению редукционистского типа построения научной теории. Появились и получили достаточно широкое распространение иные виды редукционизма, главными из которых стали природный (рассматривающий общество

исключительно как часть природы, подчиняющуюся ее общим закономерностям), духовный (сторонники которого видели лишь духовные факторы развития социума, игнорируя роль иных — экономических, социальных, природных, политических и др.), как правило, соединяющий их цивилизационный (приверженцы которого стремились свести все многообразие истории к цивилизационным характеристикам) [там же, с. 31–33; 9, с. 189–194]. Задача преодоления редукционистского способа мышления продолжает оставаться в высшей степени актуальной. Без ее решения невозможно становление принципов «пригожинской» парадигмы в социокультурной сфере.

В сложившейся ситуации особое значение приобретает, на наш взгляд, актуализация творческого наследия М.М. Бахтина, прежде всего, его теории диалога.

По нашему мнению, бахтинская «диалогика» полностью соответствует принципам новой парадигмы. Это обусловлено самим пониманием феномена диалога М.М. Бахтиным. Диалогическое общение рассматривается им как аналог жизненного процесса в «мире людей»: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [10, с. 337]. Само бытие *homo sapiens* выступает в изложении М.М. Бахтина как диалог: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается — все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [11, с. 426]. Главное, что определяет специфику подхода М.М. Бахтина, — его трактовка характера взаимосвязи участников диалога. Диалогическая активность — это «активность в

отношении чужого живого и полноправного сознания. Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т. п.» [10, с. 328]. «Я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к ты). Отрыв, отъединение, замыкание в себя как основная причина потери себя самого. Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге. И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече вся его сущность. Это высшая степень социальности (не внешней, не вещной, а внутренней). ...Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого... Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собой без другого; я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимовосприятии)» [там же, с. 329–330].

Понимание человеческой жизни на всех уровнях как диалога уже само по себе предполагает, что и познание в «мире людей» — это диалогический процесс, это всегда столкновение разных индивидуальностей, каждая из которых неповторима, сохраняет свою идентичность. Подлинный диалог, по М.М. Бахтину, это всегда напряженный спор равноправных сознаний, в котором каждый из участников отстаивает свою позицию: «Активное согласие — несогласие (если оно не предрешено догматически), стимулирует и

углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения» [там же, с. 366].

Принципиально важно, что на самом глубинном уровне диалогической ткани человеческого бытия «общение... я с другим и с другими происходит на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы» [там же, с. 198]. Впрочем, и на других уровнях реальности диалога «ближайшие, обыденные житейские звенья, не пропускаются, а осмысливаются в свете последних вопросов как этапы или символы последнего решения» [там же, с. 329].

Свойственное М.М. Бахтину решение проблемы «Другого» как активного равноправного участника диалога, как неотъемлемой органической части собственного жизненного пространства необходимым образом предполагает «другой» взгляд на предмет спора и равноправного участника диалога на альтернативную точку зрения. Такой подход полностью соответствует принципу дополнительности. Впрочем, М.М. Бахтин и сам прекрасно сознавал, что принцип этот положен в основу его собственной концепции, правда, в соответствующей, «диалогической» интерпретации: «Принцип дополнительности я также воспринимаю диалогически» [там же, с. 393].

Критерием, в соответствии с которым различаются естественные и гуманитарные науки, является, по М.М. Бахтину, ориентация на принципиально различные познавательные пределы: «Познание вещи и познание личности. Их необходимо охарактеризовать как пределы: чистая мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая только для другого и могущая быть раскрытой вся сплошь и до конца односторонним актом этого другого (познающего). Такая вещь, лишенная

собственного неотчуждаемого и непотребляемого нутра, может быть только предметом практической заинтересованности. Второй предел — ...диалог, вопрошание, молитва. Здесь необходимо свободное самооткровение личности. Здесь есть внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, потребить, где сохраняется всегда дистанция, в отношении которого возможно только чистое бескорыстие; открываясь для другого, оно всегда остается и для себя» [там же, с. 429]. В этом отрывке открывается еще одна важная грань «диалогичности» М.М. Бахтина: ориентация на диалог веры и разума, на достижение баланса между ними как важнейшего принципа формирования диалогической ткани человеческого бытия.

«Точные науки — это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только *безгласная вещь*. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только *диалогическим*» [там же, с. 383].

Следует отметить, что М.М. Бахтин вполне в духе «пригожинской» парадигмы подчеркивает, что нельзя абсолютизировать противопоставление естественнонаучного («точного») и гуманитарного знания: «Отличие гуманитарных наук от естественных. Отказ от непреодолимой границы. Противопоставление (Дильтей, Риккерт) ...было опровергнуто дальнейшим развитием гуманитарных наук. Внедрение математических и иных методов — процесс необратимый, но одновременно развиваются и должны развиваться

специфические методы... (например, аксиологический подход). Строгое различие понимания и научного изучения» [там же, с. 369]. М.М. Бахтин обнаруживает прямые параллели между методами исследования микромира в физике и спецификой изучения «личностного предела» (то есть участников диалога) в гуманитарных науках: «Экспериментатор составляет часть экспериментальной системы (в микрофизике). Можно сказать, что и понимающий составляет часть понимаемого высказывания, текста (точнее, высказываний, их диалога, входит в него как новый участник). Диалогическая встреча двух сознаний в гуманитарных науках. Обрамление чужого высказывания диалогизирующим контекстом» [там же, с. 319].

Как подчеркивает русский мыслитель, сопоставляя разные виды научного знания, «нельзя забывать, что вещь и личность — *пределы*, а не абсолютные субстанции» [там же, с. 387]. При этом принципиально важно, как трактуется сам личностный предел: «Предел здесь не я, а я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и *другой*, я и *ты*» [там же, с. 391]. «Я» и «другой», участники диалога — это «разные смысловые миры», каждый из них представляет собой особый «хронотоп», особое личностное воплощение пространственно-временного континуума культуры. Смысл, согласно самому краткому и самому содержательному определению М.М. Бахтина, — это «ответ на вопрос». «То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [там же, с. 369]. И каждый из участников диалога дает свой ответ на тот или иной вопрос.

«Предмет гуманитарных наук — *выразительное и говорящее* бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и

значении» [там же, с. 430]. Поэтому воплощенный в этом бытии смысл «потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом... Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности... Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть «смысла в себе» — он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно, и потому каждое отдельное звено снова и снова обновляется, как бы рождается заново» [там же, с. 370].

Несмотря на то, что в гуманитарном знании «критерий — не точность познания, а глубина проникновения», (проникновения в «Другого», в иного участника диалога) [4], в рамках этого знания есть свои представления о точности, суть которых предельно четко сформулировал М.М. Бахтин. Представления, обусловленные диалогическим характером гуманитарных наук: «В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чуждого без превращения его в чисто свое...» [там же, с. 392]. Обобщая специфику процесса познания в человеческом мире, М.М. Бахтин констатирует, что такое познание — «всегда диалог» между познающим и познаваемым, «то есть тоже общность, но особого — функционального — типа, предполагающая одновременно и неслиянность (невозможность субстанционального отождествления), и нераздельность (невозможность исключения

какого-либо участника диалога без того, чтобы умертвить сам диалог личностей)» [12, с. 392]. М.М. Бахтин в данном случае прямо применяет категории особой, «тринитарной» логики великих каппадокийцев IV в. н. э. (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Назианзин), сформулировавших принципы соотношения трех Лиц Пресвятой Троицы: единосущность, равночестность, неслиянность, нераздельность. Г.С. Померанц предложил применить эти принципы к отношениям между культурами. К аналогичной идее пришли и представители творческого направления современной отечественной православной мысли (С.А. Чурсанов и др.) [13, с. 316–337; 14, с. 553–563; 15, с. 105–114]. Этот тип логики полностью соответствует принципам новой парадигмы, позволяет преодолеть формальную рациональность западного происхождения и характера, воплощающую «дух капитализма» и основывающуюся на формальной логике Аристотеля, прежде всего, на законе «исключенного третьего» с соответствующим запретом на противоречие согласно закону тождества [16, с. 60–63].

Охарактеризованные принципы «диалогики» М.М. Бахтина распространяются им как на межличностные отношения, так и на отношения между различными культурами и цивилизациями [10, с. 353–354].

Следует еще раз подчеркнуть, что в зоне контакта смысловых полей участников диалога неизменно наблюдается (если это подлинный диалог) высокий уровень духовного напряжения. Но трудности в осуществлении принципов диалога связаны не только с этим. Сама тенденция к диалогу пробивает себе путь вопреки контртенденции, разрушающей диалогические формы общения и воплощенной в монологе. «Монолог в пределе отрицает

наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) *другой* всецело остается только объектом сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы, монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность. Монолог претендует быть последним словом» [там же, с. 336]. «Монологизм в высшем смысле» есть «отрицание равноправности сознаний в отношении к истине (понятой отвлеченно и системно)» [там же, с. 327–328]. Сформулированные М.М. Бахтиным характеристики монологического подхода полностью приложимы к редукционизму как способу формирования научной теории во всех его разновидностях. С этой точки зрения последовательное утверждение М.М. Бахтиным диалогического характера гуманитарного знания есть последовательное отрицание любой редукционистской логики. Здесь необходимо уточнить, что монологизм как феномен сознания вторичен, поскольку межчеловеческое общение на всех уровнях имеет диалогическую основу. «Речь по своей природе диалогична», также как и язык. «Существенные различия» диалогической и монологической речи существуют «в пределах (и на основе) общей диалогичности языка» [12, с. 209, 212–213]. Из всего хода мысли М.М. Бахтина следует, что монолог и диалог — альтернативные по своей сути пути развертывания межчеловеческого общения (как на межличностном уровне, так и на уровне взаимодействия различных культур и цивилизаций). При господстве монолога как отдельные

человеческие сознания, так и отдельные культуры замыкаются в себе, связь между ними нарушается или вообще рвется. «Следовательно, в рамках монолога диалогическая основа человеческой, в том числе цивилизационной реальности, превращается в собственную противоположность. Именно монолог лежит в основе одного из трех основных типов межцивилизационного (межкультурного) взаимодействия — противостояния культур» [16, с. 59–60].

Как нетрудно заметить, тенденция к монологизации межчеловеческого, в особенности межцивилизационного общения, получила в первые десятилетия XXI в. гипертрофированное развитие. И, к сожалению, главный вывод, сделанный автором этих строк на основании результатов масштабного сравнительного цивилизационного исследования еще в 2010 г. [там же, с. 60–65], полностью подтвердился в самое последнее время: главной силой монологизации в мире был и остается Запад. Его цивилизационный монолог, похоже, практически доминирует в духовном космосе «фаустовской» цивилизации, почти полностью подавив в настоящее время иные тенденции, бесспорно, присутствующие в этом космосе. Тем более значима в современной ситуации актуализация принципов бахтинской «диалогичности», причем не только в научном дискурсе, но и в сфере высшего гуманитарного образования.

Если диалогическое общение — это основа, на которой создается человеком его собственный мир, это относится ко всем сферам социальности. До сих пор мы акцентировали диалогический характер гуманитарного знания. В этой связи неизбежно встает вопрос: каким образом принцип диалога проявляет себя (или, точнее, может проявиться) в практике преподавания гуманитарных дисциплин?

Главная задача здесь — преодоление опасности монологизации диалога, превращения его в собственную противоположность. И сделать это особенно сложно именно в сфере образования, учитывая, что в данном случае стороны диалогического (в глубинной своей сути) общения изначально находятся в неравном положении. Искушение свести все к монологу преподавателя всегда очень велико, и тогда о подлинном усвоении учебного материала говорить не приходится. Конечно, в том случае, если такое усвоение предполагает в качестве главной задачу научить мыслить тех, кто включен в процесс обучения, т. е. превратить *обучающегося* в *познающего*, а следовательно, в равноправного участника диалога. Такое возможно лишь при условии, что удастся создать ситуацию, при которой, говоря словами М.М. Бахтина, «активное согласие — несогласие... стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения» [10, с. 366]. Формирование подобной ситуации требует создания атмосферы доверия.

Достичь этой цели возможно лишь в том случае, если обучающиеся почувствуют, что преподаватель, во-первых, всю душу вкладывает в свое дело; во-вторых, позволяет, более того, поощряет студентов (или учащихся) высказывать собственное мнение по тому или иному вопросу. Очень важно в этом случае преодолеть страх ошибиться, довести до сознания слушателей мысль о том, что человек в процессе познания имеет право на ошибку, что такого рода ошибки неизбежны. Вопрос лишь в умении их преодолевать и идти дальше. При этом необходимо одновременно сохранять дистанцию между преподавателем и обучающимися и обеспечить возможность ее преодоления в ходе общения.

Разумеется, все эти рассуждения — не более чем попытка сформулировать самые общие принципы подхода к преподаванию в духе бахтинской диалогии. В них автор этих строк попытался обобщить опыт (как свой собственный, так и коллег) преподавания главным образом в ВУЗах (МГУ, МФТИ, РУДН), а также (в меньшей мере) в старших классах школы (Химический лицей 1303).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Радбиль, Т.Б.* Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 23–36.
2. *Шемякин, Я.Г.* В поисках смысла: из истории философии и религии. М.: Рипол-классик, 2003. 430 с.
3. *Шемякин, Я.Г.* Вера и рацию в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3. С. 78–92.
4. *Шемякин, Я.Г.* Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Вып. 8 (106). Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840016465-0-1/> (дата обращения: 06.07.2022).
5. *Шемякин, Я.Г., Шемякина, О.Д.* Соотношение веры и рацию в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. 2007. № 11. С. 58–77.
6. *Пригожин, И., Стенгерс, И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

7. Бор, Н. Квантовая физика и философия // Успехи физических наук. 1959. Вып. 1. Т. 67. С. 37–42.
8. Шемякин, Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 391 с.
9. Шемякин, Я.Г. Цивилизационный подход как одна из форм реализации общенаучного принципа дополнительности в исторических исследованиях // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во Томского университета, 2019. С. 189–194.
10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2013. 444 с.
11. Бахтин, М.М. Избранное. Т. 2. Поэтика Достоевского / сост. Н.К. Бонеецкая. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 512 с.
12. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
13. Померанц Г.С. Троица Рублева и тринитарное мышление // Выход из транса: сборник статей. М.: Юрист, 1995. С. 316–337.
14. Померанц, Г.С. Выбор XXI века // Выход из транса: сборник статей. М.: Юрист, 1995. С. 552–563.
15. Чурсанов С.А. Троичный принцип единства в различии в богословии великих каппадокийцев и православной антропологии XX–XXI веков // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России: материалы конференций (2007–2015). М.: Древлехранилище, 2015. С. 105–114.
16. Шемякин, Я.Г. Программа «Альянса цивилизаций» в свете проблемы межкультурного диалога в полицентричном мире // Альянс цивилизаций (трудный диалог в условиях глобализации). М.: ИЛА РАН, 2010. С. 43–65.

REFERENCES

1. Radbil, T.B. Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoi yazykovoi kartine mira [Faith as the Basis of World Perception and World Understanding in the Russian Language Picture of the World]. In: *Lingvokulturologicheskie issledovaniya. Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykah i kulturah* [Linguistic and Cultural Studies. Logical Analysis of Language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures]. Moscow, Gnozis, 2019, pp. 23–36. (in Russ.)
2. Shemyakin, Ya.G. *V poiskakh smysla: iz istorii filosofii i religii* [In Search of Meaning: From the History of Philosophy and Religion]. Moscow, Ripol-klassik, 2003, 430 p. (in Russ.)
3. Shemyakin, Ya.G. Vera i racio v duhovnom kosmose latinoamerikanskoj civilizacii [Faith and Rationality in the Spiritual Cosmos of Latin American Civilization], *Latinskaya Amerika = Latin America*, 2007, No. 3, pp. 78–92. (in Russ.)
4. Shemyakin, Ya.G. Eshche raz k voprosu o specifike gumanitarnogo znaniya v svete problematiki sravnitelnykh civilizacionnykh issledovaniy [Once Again to the Question of the Specifics of Humanitarian Knowledge in the Light of the Problems of Comparative Civilizational Studies], *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal "Istoriya"* = Electronic Scientific and Educational Magazine «History», 2021, iss. 8 (106), vol. 12. Available at: <https://history.jes.ru/s207987840016465-0-1/> (accessed: 06.07.2022). (in Russ.)
5. Shemyakin, Ya.G., Shemyakina, O.D. Sootnoshenie very i racio v civilizacionnom "pograniche": rossijskie paralleli latinoamerikanskogo opyta [The Ratio of Faith and Rationality in the Civilizational "Frontier": Russian Parallels of the Latin American Experience], *Latinskaya Amerika = Latin America*, 2007, No. 11, pp. 58–77. (in Russ.)

6. Prigozhin, I., Stengers, I. *Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj* [Order from Chaos. The New Dialogue of Man with Nature]. Moscow, Progress, 1986, 432 p. (in Russ.)
7. Bor, N. *Kvantovaya fizika i filosofiya* [Quantum Physics and Philosophy], *Uspekhi fizicheskikh nauk* = Successes of Physical Sciences, 1959, iss. 1, vol. 67, pp. 37–42. (in Russ.)
8. Shemyakin, Ya.G. *Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow, Nauka, 2001, 391 p. (in Russ.)
9. Shemyakin, Ya.G. *Civilizacionnyj podhod kak odna iz form realizacii obshchenauchnogo principa dopolnitelnosti v istoricheskikh issledovaniyah* [Civilizational Approach as One of the Forms of Implementation of the General Scientific Principle of Complementarity in Historical Research]. In: *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogilnickogo* [Creative Laboratory of the Historian: Horizons of the Possible (To the 90th Anniversary of the Birth of B.G. Mogilnitsky): Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2019, pp. 189–194. (in Russ.)
10. Bakhtin, M.M. *Eстетика slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2013, 444 p. (in Russ.)
11. Bakhtin, M.M. *Izbrannoe. T. 2. Poetika Dostoevskogo* [Favorites, vol. 2. Dostoevsky's Poetics], comp. N.K. Bonetskaya. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2020, 512 p. (in Russ.)
12. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* [Collected Works, vol.5. Works of the 1940s – Early 1960s]. Moscow, Russkie slovari, 1997, 732 p. (in Russ.)
13. Pomerants, G.S. *Troitsa Rubleva i trinitarnoe myshlenie* [Rublev's Trinity and Trinitarian Thinking]. In: *Vykhod iz transa* [Coming Out of Trance: a Collection of Articles]. Moscow, Yurist, 1995, pp. 316–337. (in Russ.)
14. Pomerants, G.S. *Vybor XXI veka* [The Choice of the XXI Century]. In: *Vykhod iz transa* [Coming Out of a Trance: A Collection of Articles]. Moscow, Yurist, 1995, pp. 552–563. (in Russ.)
15. Chursanov, S.A. *Troichnyj princip edinstva v razlichii v bogoslovii velikih kappadokijscev i pravoslavnoj antropologii XX-XXI vekov* [The Trinity Principle of Unity in the Difference in the Theology of the Great Cappadocians and Orthodox Anthropology of the XX-XXI Centuries]. In: *Duhovnoe nasledie Vizantii i Afona v istorii i kulture Rossii* [The Spiritual Heritage of Byzantium and Mount Athos in the History and Culture of Russia: Conference Proceedings (2007-2015)]. Moscow, Drevlekhranishche, 2015, pp. 105–114. (in Russ.)
16. Shemyakin, Ya.G. *Programma “Alyansa civilizacij” v svete problemy mezhkulturnogo dialoga v policentrichnom mire* [The Program of the “Alliance of Civilizations” in the Light of the Problem of Intercultural Dialogue in a Polycentric World]. In: *“Alyans civilizacij” (trudnyj dialog v usloviyah globalizacii)* [“Alliance of Civilizations” (Difficult Dialogue in the Context of Globalization)]. Moscow, Institut Latinskoj Ameriki Rossijskoj akademii nauk, 2010, pp. 43–65. (in Russ.)

Шемякин Яков Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН, shemyakinx3@gmail.com

Yakov G. Shemyakin, ScD in History, Chief Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, shemyakinx3@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.08.2022. Принята к публикации 13.08.2022

The paper was submitted 02.08.2022. Accepted for publication 13.08.2022